

Памятные записки

(Фрагменты)



Смерть Сталина

Умер Сталин неожиданно. Хотя некоторые из нас в последний период его жизни реже бывали у него в домашних условиях, но на совещаниях, официальных заседаниях мы с удовлетворением видели, что, несмотря на усталость от войны, Сталин выглядел хорошо. Он был активен, бодр и по-прежнему вёл обсуждение вопросов живо и содержательно. Когда ночью меня вызвали на «Ближнюю дачу», я застал там Берия, Хрущёва и Маленкова. Они сказали мне, что со Сталиным случился удар, он парализован и лишён дара речи, что вызваны врачи. Я был потрясён и заплакал.

{jcomments on}Вскоре приехали остальные члены Политбюро: Ворошилов, Молотов, Микоян и другие. Приехали врачи во главе с Министром здравоохранения.

Когда мы зашли в комнату, где лежал Сталин с закрытыми глазами, он открыл глаза и обвёл нас всех глазами, всматриваясь в каждого из нас. По этому взгляду видно было, что он сохранил сознание, силился что-то сказать, но не смог и вновь закрыл глаза. Мы все с глубокой скорбью и печалью смотрели на Сталина, находившегося в тяжёлом состоянии. Несколько дней шла борьба за сохранение жизни Сталина, врачи делали всё возможное. Мы, члены Политбюро, всё время находились здесь, отлучаясь лишь на короткое время.

Когда наступила смерть, мы 5 марта собрались для составления обращения ко всем членам партии и всем трудящимся Советского Союза. В этом обращении мы выразили глубокие чувства горечи, скорби и переживаний всей партии и народа.

Особенно важным для правильного понимания нынешнего момента является то, что это обращение ЦК и Правительства в связи со смертью Сталина было разработано и принято единодушно всеми членами ЦК, Правительства, громадным большинством партии и советского народа.

Вспоминаю такой эпизод: вместе с Хрущёвым я был включен в Комиссию по похоронам Сталина, и вот когда мы ехали в авто с телом Сталина, Хрущёв тронул меня за руку и сказал: «Как, Лазарь, будем жить-то и работать без Сталина? Тяжело будет нам». Помню мой ответ:

«В 1924 г., когда умер Ленин, положение в стране и в партии было потруднее: был НЭП, нэпманы, восстановление разрушенного хозяйства не было ещё завершено, в партии орудовали троцкистская и другие оппозиции, — а выжили мы, да ещё как пошли вперёд, потому что верные ленинизму кадры сплотились вокруг ЦК, который повёл партию по ленинскому пути. Если будем твёрдо держаться этого ленинского пути, по которому нас вёл Сталин, мы выживем и будем успешно двигаться вперёд».

Хрущёв пожал мою руку и сказал: «Ты говоришь правильно — будем все вместе идти по этому пути, по которому нас вёл Сталин».

Хрущёв, как и все мы, активно участвовал в составлении приведённого обращения ЦК. Не думаю, что Хрущёв был тогда искренен и не хитрил, как некоторые полагают.

7 марта 1953 г. было созвано совместное заседание Пленума ЦК КПСС, Совета министров Союза ССР и Президиума Верховного совета СССР, на котором было принято важное постановление.

В вводной части этого постановления было особо подчеркнута, что «в это трудное для нашей партии и страны время важнейшей задачей партии и правительства является обеспечение бесперебойного и правильного руководства всей жизнью страны, что, в свою очередь, требует величайшей сплочённости руководства, недопущения какого-либо разброда и паники с тем, чтобы таким образом безусловно обеспечить успешное проведение в жизнь выработанной нашей партией и правительством политики как во внутренних делах нашей страны, так и в международных делах». Нечего и говорить о том, какое большое значение имело это директивное указание для сплочения партии и советских народов.

[...] ...ЦК внёс серьёзное изменение в саму структуру органов руководства. Вместо двух центров в руководстве ЦК — Президиума и Бюро — был создан один орган — Президиум Центрального Комитета, по существу — Политбюро.

Точно так же в Совете министров вместо двух органов — Президиума и Бюро — был создан один орган — Президиум Совета министров.

Без разногласий и споров (как это нынче изображают выдумщики) был установлен персональный состав руководства. В Президиум ЦК были избраны товарищи Маленков, Берия, Ворошилов, Молотов, Каганович, Хрущёв, Булганин, Микоян, Сабуров, Первухин. Кандидатами — товарищи Шверник, Пономаренко, Мельников и Багиров. Председателем Президиума Верховного совета был избран Ворошилов, а Шверник рекомендован Председателем ВЦСПС.

Председателем Совета министров Союза ССР был назначен Маленков Георгий Максимилианович. Первыми заместителями Председателя Совета министров были назначены товарищи Молотов, Берия, Булганин и Каганович.

Министром иностранных дел был назначен Молотов; министром объединённого Министерства внутренней и внешней торговли — Микоян; военным министром — Булганин; министром объединённого министерства внутренних дел и госбезопасности — Берия; Министром объединённого Министерства электростанций и электропромышленности — Первухин; председателем Госплана — Сабуров.

В Центральный Комитет был переведён на постоянную работу секретарём ЦК Хрущёв, с освобождением его от работы секретарём МК.

Важнейшее значение имело принятое тем же постановлением решение о сокращении количества министерств путём их объединения.

Л.М. Каганович. Памятные записки. — М., «Вагриус», 2003. — сс. 559-562.

[...]

[...] В сентябре 1953 г. состоялся Пленум ЦК, который заслушал и обсудил доклад Хрущёва «О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства». ЦК принял разработанное Президиумом ЦК постановление. В разработке этого постановления ЦК принял участие весь Президиум ЦК, в особенности Хрущёв, Маленков, Каганович, Молотов, Андреев.

Хрущёв — Первый секретарь ЦК

Через полгода, примерно в марте 1954 г., ЦК вновь обсуждал вопрос о сельском хозяйстве и принял деловое решение о дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель. В этом постановлении была дана ещё более острокритическая оценка с соответствующими выводами.

ЦК и Совнарком разработали меры по облегчению положения колхозного крестьянства, в частности по уменьшению налогов, и поручил Маленкову выступить с докладом на Верховном совете (в настоящее время это приписывается Хрущёву). [...] Одним словом, можно сказать, что если бы этот стиль первого года работы Хрущёва, как Первого секретаря ЦК, сохранился в 1955-1956 гг. и далее, то результаты были бы иными. Но не прошло много времени с момента избрания его первым секретарем ЦК, как Хрущёв начал демонстрировать, как бы говоря: «Вы, мол, думаете, что я не «настоящий» Первый секретарь, я вам покажу, что я «настоящий»» — и наряду с проявлением хорошей положительной инициативы, начал куражиться.

Здесь уместно рассказать, как прошли выборы Хрущёва первым секретарем. С марта по сентябрь Хрущёв был одним из секретарей ЦК — секретариат был как бы коллективным и, между прочим, скажу, что было неплохо. Во время сентябрьского Пленума ЦК в перерыве между заседаниями Пленума, в комнате отдыха, где обычно происходил обмен мнениями членов Президиума по тем или иным вопросам, Маленков неожиданно для всех сказал: «Я предлагаю избрать на этом Пленуме Хрущёва Первым секретарём ЦК».

Я говорю «неожиданно», потому что о постановке такого важного вопроса обычно предварительно осведомляли. Когда я потом спросил Маленкова, почему он не сказал

никому об этом предложении, он мне сказал: перед самым открытием Пленума ЦК к нему подошел Булганин и настойчиво предложил ему внести на Пленуме предложение об избрании Хрущёва Первым секретарем ЦК. «Иначе, — сказал Булганин, — я сам внесу это предложение». «Подумав, что Булганин тут действует не в одиночку, я, — сказал Маленков, — решился внести это предложение». На совещании Булганин первый с энтузиазмом воскликнул: «Давайте решать!» Остальные сдержанно согласились и не потому, конечно, что, как нынче могут сказать, мол, боялись возразить, а просто потому, что если выбирать Первого секретаря, то тогда другой кандидатуры не было — так сложилось.

Должен здесь сказать, что я лучше знал Хрущёва, дольше и больше всех, со всеми его положительными и отрицательными сторонами. Можно сказать, что я имел прямое отношение к выдвижению и продвижению Хрущёва на руководящую общепартийную работу начиная с 1925 г. (обо всем этом процессе я расскажу ещё отдельно). Я считал и считаю его выросшим и растущим партийным работником, выходцем из рабочих, способным быть руководящим деятелем в областном, краевом, республиканском масштабе и — в коллективном руководстве — во всесоюзном масштабе. Но у меня не было уверенности в его способностях осуществлять роль первого секретаря ЦК КПСС, особенно учитывая его недостаточный культурно-теоретический уровень, хотя при напряжённой, как говорится, работе над собой, это дело наживное. Практический же опыт у него был солидный.

Во всяком деле, тем более в работе выдвигаемого работника требуется проверка его на деле в процессе его роста и развития. Главное в том, что сложились такие условия, что другой кандидатуры в составе секретариата у нас не было. Поэтому все мы голосовали за это предложение с твёрдым намерением всячески помогать Хрущёву в овладении им новой ролью.

Так, на примере выдвижения Хрущёва как первого секретаря ЦК связались случайность с необходимостью. Не вдаваясь здесь в глубины философии, нужно сказать, что марксистско-ленинский диалектический материализм исходит из того, что закономерная историческая необходимость не исключает и случайность, которая является дополнением и формой проявления необходимости. Случайность может быть или не быть, она не обязательно вытекает из исторической необходимости, из законов развития, но, как правило, случайность и необходимость взаимосвязаны. В истории бывало, когда «случайно» выдвинутые личности росли, развивались в процессе своей деятельности, опираясь и следуя объективной исторической закономерной необходимости, и созревали как вожаки. Но когда они, эти случайно выдвинувшиеся личности, игнорировали объективные закономерности и потребности общества, когда субъективное волеизъявление — волюнтаризм — брал верх над объективной необходимостью и научным сознанием, допуская зарастание мозгов сорняками, тогда растение не созревало, и крах этой, случайно выдвинувшейся, личности был неизбежен.

К сожалению, именно это случилось с Хрущёвым — речь идёт не о должности, а о существе поведения в партийно-политическом руководстве, хотя были и положительные моменты в его деятельности, были и способности и природный ум, ранее подкреплённый

скромностью, а впоследствии подорванный зазнайством и волюнтаризмом.

Президиум ЦК в составе Ворошилова, Молотова, Кагановича, Микояна, Маленкова, Хрущёва, Булганина, Сабурова, Первухина работал коллективно и активно, регулярно заседал и не только рассматривал вопросы, но члены Президиума участвовали в подготовке решений и если после обсуждения бывали значительные поправки, то участвовали в комиссиях по окончательному редактированию решений ЦК. Надо сказать, что в постановке вопросов и их подготовке Хрущёв как первый секретарь, естественно, занимал активное место, особенно по вопросам строительства и сельского хозяйства.

Надо сказать, что в деле развёртывания в более широких масштабах строительства, особенно по внедрению панельного и бетонного строительства, Хрущёв сыграл немалую роль. Потребовался нажим на строителей — и Хрущёв нажимал на них часто и не демократическим путём, и Президиум ЦК его в этом поддерживал. Правда, в интересах единства Президиум допускал слабость в реагировании и на допущенные ошибки Хрущёва, когда он, например, чрезмерно выпятил роль строителей в ущерб архитектуре под лозунгом недопущения украшательства и удешевления, не учитывая, что роль архитектуры не сводится к украшательству. Была даже упразднена Академия архитектуры и ослаблен архитектурный надзор, что привело к ухудшению качества строительства.

Большую активность проявил Хрущёв в области сельского хозяйства не потому, конечно, что он был, как потом изображали, якобы большим «специалистом» в сельском хозяйстве. Я могу засвидетельствовать, что до его работы секретарем МК (областного) он в сельском хозяйстве мало разбирался просто потому, что он долго работал в промышленных и городских районах. При избрании его секретарём Московского областного комитета я ему советовал налечь на изучение сельского хозяйства, тесно связал его с секретарем МК по сельскому хозяйству Михайловым, который хорошо и квалифицированно знал сельское хозяйство. Надо сказать, Хрущёв без обиды принял мой совет и усердно занялся изучением сельского хозяйства. Помогал ему в этом и будущий наркомзем Бенедиктов, да и я, хотя и перешёл в Наркомат путей сообщения, помогал ему советами. Когда он стал первым секретарем ЦК, я ему сказал, что первая заповедь ЦК — это уделять первостепенное внимание сельскому хозяйству, деревне, союзу пролетариата с крестьянством.

И надо сказать, что Хрущёв усиленно и усердно занялся сельским хозяйством, активно и инициативно вникал в вопросы подъёма сельского хозяйства и ставил их на решения ЦК. К сожалению, здесь он больше всего и скорее всего начал проявлять свои эксцентрические черты всезнайки. Это привело, например, к тому, что он замахнулся на учение великого ученого Вильямса по севооборотам, что нанесло вред. Хорошо ещё то, что на местах практики не поддались этому антивильямскому «новаторству», да и Президиум ЦК не одобрял этого официально, хотя, к сожалению, не отменил. Хрущёв усердно и активно поддерживал неправильные и необоснованные претензии Лысенко в командовании наукой о сельском хозяйстве, притом сам Хрущёв слабо, конечно, разбирался в этой науке.

Вопрос о развитии кукурузы был правильно поставлен. Этот вопрос был поставлен давно, особенно на Украине. Помню, ещё когда Раковский не был троцкистом, он, имея большой опыт по Румынии, выступал в печати и на собраниях за всемерное развитие посевов кукурузы. Хрущёв правильно ратовал за кукурузу, но он не соблюдал научные требования в районировании, возможности и целесообразности её насаждения, а требовал повсеместного развития посевов кукурузы, независимо от местных условий, чем подрывал эту хорошую идею. К сожалению, эти ошибки Хрущёва привели к подрыву самой идеи развития кукурузных посевов, в то время как необходимо, устранив ошибки Хрущёва, всемерно насаждать в пригодных для этого районах — на Украине, Кавказе, в Молдавии и т.д. и т.п.

Принятые Центральным Комитетом партии и правительством известные организационные меры децентрализации в руководстве колхозами, предоставление им больших прав было положительным и своевременным актом. Но ликвидация МТС, без возмещения какой-либо иной формой связи и технической помощи колхозам, дала отрицательные результаты. Сама децентрализация — предоставление колхозам больших прав без экономических мер не дало нужных результатов. Хрущёв, конечно, старался внести ряд предложений (в том числе и ошибочных), которые принимались Президиумом. Но эти меры, носившие, по преимуществу, организационно-административный характер, не принесли должный и нужный эффект. Обратный результат давали окрики Хрущёва, прославлявшего себя демократом.

Надо сказать, что Хрущёв активно включился в работу по сельскому хозяйству. Он отстаивал и защищал колхозное движение и совхозы и принимал меры по осуществлению указанного постановления Пленума ЦК и других постановлений. Но, к сожалению, он вскоре монополизировал свое руководство сельским хозяйством и допускал политические ошибки, которые мешали выполнению решений ЦК.

Такой ошибкой являлась линия на ликвидацию небольших колхозов и, соответственно, малых деревень и сел и строительство крупных усадебных поселений. Эти поселения, по замыслу Хрущёва, должны были строиться, как поселения городского типа, с многоэтажными домами, без усадебных участков, без коров, птицеводства и прочее, что противоречило Уставу сельхозартели, принятому при личном участии Сталина в 1935 г. Это впоследствии привело к разорению тысяч небольших деревень и сёл и невыполнению строительства колхозных усадеб. Отсюда и массовый уход крестьян из деревень в города, что началось при Хрущёве и продолжалось при Брежневем.

Я лично говорил Хрущёву, что этого делать нельзя, что можно при необходимости укрупнения колхозов создавать из малых колхозов колхозные бригады, не ликвидируя обжитых деревень и сел, но он уже «закусил удила» и не считался с советами.

Президиум же ЦК в целом не остановил этот процесс. Это его ошибка.

Если удачи Хрущёва и его «ближних» относили за счёт самого Хрущёва, то в неудачах он любил искать виновников на стороне.

Если до конца первой половины 1955 г. он соблюдал нормы коллективного руководства, то во второй половине 1955 г. эти нормы Хрущёв стал грубо нарушать. Эксцентричность в том смысле, как объясняет словарь это слово, «из ряда вон выходящий», или стремление, как говорили в Одессе, «свою я показать» начала у него проявляться всё больше и больше.

Первый, на ком Хрущёв стал демонстрировать, что он «всамделишный» вождь и руководитель, оказался Совет министров и его председатель Маленков — этот способный, скромный, деловой, не сварливый, но принципиальный государственный и партийный деятель.

Найти недостатки в работе можно у любого, даже самого старательного руководителя, особенно если за это берется партийный руководитель. Короче: после нескольких наскоков на Маленкова Хрущёв внес предложение об освобождении его от обязанностей председателя Совета министров. Надо сказать, что члены Президиума, в том числе, конечно, и я, который знал его по работе в МК и ЦК с лучшей стороны, вначале не соглашались с этим предложением Хрущёва, но потом, при его повторном настойчивом предложении, мы, чтобы не создавать кризиса в руководстве ЦК, согласились с освобождением Маленкова с сохранением Маленкова членом Президиума ЦК как руководящего деятеля партии.

Председателем Совета министров Хрущёв предложил Булганина, хотя более естественной кандидатурой должен был быть Молотов. Некоторые товарищи допускали, что здесь у Хрущёва был расчёт на недолговечность на этом посту Булганина. Вскоре после утверждения Булганина, когда, например, мы, члены Президиума, посетили выставку продукции легкой промышленности, Хрущёв публично набросился на Булганина после какого-то его замечания об искусственном шелке, что «вот видите — председатель Совета министров, а ничего не понимает в хозяйстве, болтает чушь» и так далее. Мы все были потрясены подобной выходкой Хрущёва, тем более что Булганин, ещё до работы председателем Моссовета, был директором крупнейшего Московского электротехнического завода, то есть был опытным хозяйственником, тогда, когда Хрущёв ещё вовсе хозяйства не знал. Но и этот наскок мы не заострили во имя единства.

На заседаниях Президиума ЦК регулярно обсуждались вопросы внешней политики. Молотов, как министр иностранных дел, вносил свои предложения, большая часть которых одобрялась. Но Хрущёв, правильно уделяя внимание предложениям Молотова, будучи менее компетентным в этих делах, довёл дело до того, что внёс предложение об освобождении Молотова от поста министра иностранных дел. Я лично выступил против этого, доказывая, что Молотов не только имеет уже большой опыт во внешней политике, но и идейно-политически крепок в защите интересов нашей Родины. Но так как Молотов сам заявил о том, что готов перейти на другую работу, Президиум ЦК освободил его от обязанностей МИДа и назначил его Министром Государственного Контроля.

Могу отметить здесь ещё один эпизод. Ещё в 1954 г., будучи на отдыхе в Крыму, мы, Хрущёв, Молотов, Ворошилов, Каганович, конечно, встречались, и однажды во время прогулки по парку на мой вопрос, как работается, Хрущёв сказал мне: «Неплохо, но вот

Молотов меня не признаёт, поэтому у меня с ним напряжённые отношения». Я ему сказал, что он ошибается, что Молотов порядочный человек, идейный партиец и интригами не может заниматься. «Ты самокритически проверь самого себя — не слишком ли ты часто и легко насакиваешь на него и его предложения. Если ты изменишь отношение к нему, всё будет исчерпано,». Но, к сожалению, он этому моему совету не последовал.

Разумеется, работа ЦК между XIX и XX съездом охватывала все стороны жизни партии и страны, промышленность и культуру и партийную жизнь. Проводилась большая работа, о которой по поручению Президиума ЦК был сделан отчётный доклад ЦК на XX съезде первым секретарём ЦК т. Хрущёвым.

К XX съезду партии мы шли и пришли едиными. Отчёт ЦК отразил работу всего ЦК и его Президиума и его принципиальную линию. Над проектом отчёта ЦК тщательно работали все члены Президиума, обсуждая его несколько раз. При обсуждении проекта ЦК вносились многие поправки. Не буду здесь излагать характер этих поправок, среди которых были поправки и по принципиальным вопросам. У меня в числе ряда поправок были, например, и такие: я предложил в том месте отчёта, где опровергаются выдумки империалистов о стремлении Советского Союза насадить коммунизм путём экспорта революции, добавить: «Борьба за социализм и коммунизм шла в капиталистических странах задолго до появления Советского Союза. Борьба пролетариата за социализм и коммунизм заложена в самих классовых противоречиях капиталистической системы. Марксизм-ленинизм научно обосновал неизбежность победы социализма и коммунизма задолго до Октябрьской социалистической революции в России. А отсюда и наша уверенность, что без экспорта революции эта победа наступит. Мы отвергаем «экспорт революции», зная из истории, что революция побеждает в результате объективно создавшихся, острых внутренних классовых противоречий внутри каждой страны».

По вопросу о войне необходимо подчеркнуть, что коммунисты — руководящая сила Советского Союза — на протяжении 40 лет проводят ленинскую политику мира и решительно выступали и выступают против развязывания войны, тогда когда империалистические державы готовят войну и срывают дело укрепления мира между народами. Я предложил не вступать в полемику с марксистско-ленинской теорией об империализме и войне, тем более что последующая формулировка об отсутствии фатальной неизбежности войны не дает повод толковать, будто это Маркс и Ленин говорили о фатальной неизбежности войн. Наоборот, Ленин, например, всегда боролся за предотвращение войны силами активных революционных выступлений мирового пролетариата и идущих за ним трудящихся народных масс и вообще сторонников мира.

Были, конечно, и другие подобные поправки. Все поправки вносились и обсуждались без каких-либо обострения и полемического задора.

Главная наша цель заключалась в том, чтобы идти и прийти к XX съезду едиными. И в отчёте ЦК было подчёркнуто: «Ныне наша партия едина как никогда, она тесно сплочена вокруг Центрального Комитета и уверенно ведёт страну по пути, указанному великим Лениным. Единство партии складывалось годами и десятилетиями, оно росло и крепло в

борьбе с многочисленными врагами». (Это опровергает следующее утверждение (в июле 1957 г.), будто группа Маленкова, Кагановича, Молотова и примкнувшего к ним Шепилова подрывала единство с момента назначения Хрущёва первым секретарём ЦК.)

XX съезд подошел к концу. Но вдруг устраивается перерыв. Члены Президиума созываются в задней комнате, предназначенной для отдыха. Хрущёв ставит вопрос о заслушивании на съезде его доклада о культе личности Сталина и его последствиях. Тут же была роздана нам напечатанная в типографии красная книжечка — проект текста доклада.

Заседание проходило в ненормальных условиях — в тесноте, кто сидел, кто стоял. Трудно было за короткое время прочесть эту объемистую тетрадь и обдумать её содержание, чтобы по нормам внутривнутрипартийной демократии принять решение. Всё это за полчаса, ибо делегаты сидят в зале и ждут чего-то неизвестного для них, ведь порядок дня съезда был исчерпан.

Надо сказать, что ещё до XX съезда Президиум ЦК рассматривал вопрос о незаконных репрессиях, о допущенных ошибках. Президиум ЦК образовал комиссию, которой поручил рассмотреть дела репрессированных с выездом на места, сформулировать общие выводы и конкретные предложения. После обсуждения этого вопроса на Президиуме предполагалось собрать после XX съезда Пленум ЦК и заслушать доклад комиссии с соответствующими предложениями.

Именно об этом и говорили товарищи Каганович, Молотов, Ворошилов и другие, высказывая свои возражения. Кроме того, товарищи говорили, что мы просто не можем редактировать доклад и вносить нужные поправки, которые необходимы. Мы говорили, что даже беглое ознакомление показывает, что документ односторонен, ошибочен. Деятельность Сталина нельзя освещать только с этой стороны, необходимо более объективное освещение всех его положительных дел, чтобы трудящиеся поняли и давали отпор спекуляции врагов нашей партии и страны на этом.

Заседание затянулось, делегаты волновались, и поэтому без какого-либо голосования заседание завершилось и пошли на съезд. Там было объявлено о дополнении к повестке дня: заслушать доклад Хрущёва о культе личности Сталина.

После доклада никаких прений не было, и съезд закончил свою работу.

После XX съезда партия организованно провела партийные собрания; с докладами и речами выступали все члены Президиума ЦК и члены ЦК. В докладах освещались все вопросы повестки дня съезда и последний внеочередной вопрос о культе личности. Важно подчеркнуть, что члены Президиума Каганович, Молотов, Ворошилов и другие в докладах о XX съезде честно и дисциплинированно освещали вопрос о культе личности в соответствии с постановлением XX съезда. На собраниях одобряли решения съезда. Нельзя, однако, не отметить, что среди членов партии были разные настроения. Были и люди ошарашенные, колеблющиеся в одобрении такой односторонней постановки вопроса. Враги нашей партии использовали всё это для усиления своего

антикоммунизма, особенно распоясались иностранные апологеты империализма и белоэмигранты.

Наши братские коммунистические партии оказались в трудном положении; неясности и колебания в их среде оказались даже сильнее, чем внутри нашей партии. Изучая поступающую информацию, Президиум ЦК признал, что требуется более широкое, более объективное изложение вопроса о культе личности Сталина, чем дано на XX съезде. Поэтому было созвано совещание с участием товарищей и от братских компартий для разработки общего постановления о культе личности. После серьёзного и глубокого обсуждения с участием не только членов нашего Президиума ЦК, но и товарищей Тореза, Ульбрихта, Ракоши и других было принято серьёзное большое постановление Центрального Комитета от 30 июня 1956 г. — «О преодолении культа личности и его последствий». Это постановление имело и имеет большое значение.

После принятия этого постановления были сделаны доклады на партсобраниях внутри нашей партии и в братских партиях. Вновь выступали члены Президиума ЦК. Соответственно парторганизации провели большую разъяснительную работу в массах.

И партия, и народ высоко оценили тот факт, что сама партия, её ЦК самокритично вскрыли имевшие место ошибки и допущенные беззакония, от которых, наряду с истинными врагами народа, пострадали невинные люди. Советские люди хорошо восприняли меры партии и правительства, чтобы впредь этого не допускалось.

Однако в практической работе, особенно в области сельского хозяйства, меры были недостаточны. Это беспокоило Президиум ЦК. На этой почве, как и по ряду других вопросов, в Президиуме ЦК были споры, в частности с Хрущёвым, который после XX съезда начал «зарываться», нарушая коллективные методы руководства. Он начал вести себя так, как поётся в украинской песне: «Сам пою, Сам гуляю, Сам стелюся, Сам лягаю. САМ!»

Это не могло не вызвать недовольства.

Л.М. Каганович. Памятные записки. — М., «Вагриус», 2003. — сс. 563-572.